

Микульский: ставка в жизни больше, чем Клосс

Станислав Микульский пришел в варшавское бюро «МН», как и договаривались, — минута в минуту. В широком и длинном элегантно светлом плаще, с приветливым лицом и постоянно улыбающимися глазами он совсем не походил на пенсионера, о чем напомним по телефону. А вот строгий костюм и галстук сразу напомнили мне встречу с ним двадцатилетней давности — в московском киноконцертном зале «Россия», где он вел концерт звезд, открывавший Дни польской культуры.

Его популярность всегда была на виду. Где бы ни появлялся Микульский, сразу создавалась атмосфера общего давнего знакомства. Ему как будто на роду было написано объединять людей — может, потому, что родился он 1 мая — не только в праздник, но еще и в День международной солидарности? Уже в конце восьмидесятых пришла кому-то в голову удачная мысль направить его в Москву — первым директором Польского центра культуры и информации.

Он и сегодня узнаваем на улице, хотя реже появляется на экране и не играет уже в театре. Когда польское телевидение, отмечая свой юбилей, опросило телезрителей, что им наиболее понравилось за сорок лет, то подавляющий ответ сомнений не вызывал: капитан Ганс Клосс, или Станислав Микульский в «Ставке больше чем жизнь».

В киноэнциклопедиях подчеркивалось, что Микульскому «особенно удаются роли молодых солдат и офицеров в приключенческих и остро сюжетных фильмах о второй мировой войне». Но одно дело — ставший классикой «Канал» Анджея Вайды о Варшавском восстании, а другое — «Крещение огнем» о советско-польском братстве по оружию и совсем третье — популярные некогда на советском экране комедия «Ева хочет спать» или детективы «Особняк на Зеленой» и «Встреча со шпионом».

— Чем вы занимаетесь сейчас?

— О, самый трудный сегодня для меня вопрос. Если говорить о своей профессии, то время от времени подрабатываю, а официально, как говорится, на заслуженном отдыхе. После возвращения из Москвы оказалось, что здание театра, в котором работал, сгорело, а найти новый коллектив стало сложно: в Польше к этому времени изменилась и театральная жизнь. Но сорок лет как-никак отработал.

— И всегда как актер?

— Всегда, хотя я сам собирался стать студентом Политехнического, а родители видели во мне инженера.

— И тут «Его Величество Случай»?

— В какой-то степени вмешался, это уж точно. Режиссер Леонард Бучковский, снимавший фильм о молодежи в Лодзи, где я жил и еще учился в школе, предложил мне одну из главных ролей. Так, в 1951 году я и появился впервые на экране в картине «Первый старт», название которой оказалось символическим.

— Но вы же, кажется, учились в офицерской школе?

— Целый год, но в армии, очевидно, меня больше знали по эстраде, потому что перевели в Ансамбль песни и танца Варшавского военного округа. А после демобилизации я сразу начал работать в театре и со сценой был связан всю творческую жизнь.

— Вы хотите сказать, что для вас театр больше, чем кино?

— Конечно же, так! У нас в отличие от вас не было Театра киноактера, и почти все наши артисты работали в драматических театрах, откуда «брались на прокат» в кино и на телевидение. Но это одна сторона медали. А другая — театр всегда дает актеру больше возможностей проявить себя, чем кино. Профессионализм актера сурово проверяется театром, где зритель, как непосредственный адресат, тут же выставляет тебе оценку, видя как ты на его глазах последовательно ведешь роль от начала до конца. Но я не хочу сказать, что в кино легче. Съемка — тяжелейшая работа. Впрочем, как и вся наша профессия...

— И тем не менее огромную популярность вам принесло кино и прежде всего восемнадцатисерийная «Ставка больше чем жизнь». Как вы сегодня оцениваете свое участие в этом сериале?

— Несомненно, это важная глава в моей профессиональной жизни. Четыре года я играл капитана Клосса — сначала для телевидения, потом для кино, так что мне трудно отнестись к нему без особенного сентимента. Но не считаю, что это мое самое большое достижение в жизни. За мной остался ряд ролей, прежде всего в театре, значительно более интересных и лучше сыгранных, чем капитан Клосс в «Ставке». И все-таки этот сериал и роль наложили заметный отпечаток на мою профессиональную карьеру. Мне 63 лет, почти тридцать лет назад мы снимали этот фильм, а до сегодняшнего дня люди не забывают, что я Клосс.

— А разве такая популярность не колода на ногах у актера?

— В том-то и дело. В ней кроется огромная опасность, и такую опасность я переживал до последнего выхода на сцену. Потому что зритель всегда отождествляет меня с образом моего героя — Клосса. Выхожу я в современной пьесе, а зритель и говорит: «О, играет Клосс!» Заметьте: не Микульский, только Клосс. Играю в стилизованном спектакле в историческом костюме — снова Клосс. Когда загримированный с большим длинным носом Сира-но де Бержерака я появлялся на сцене, неузнавание оставалось до первой произнесенной мной фразы. Стоило мне открыть рот и снова: «Да это Клосс!»... Клеймо Клосса сопровождало меня и в кино. Ведь после «Ставки»

я больше снимался в Венгрии, Чехословакии, Советском Союзе. А в Польше играл преимущественно возрастные роли в сериалах для молодежи. Даже режиссер, который снимал меня в «Ставке» и лучше других знал мои возможности, также боялся поручить мне роль и говорил: «Зритель будет видеть в тебе только Клосса». Но ведь это неправда. Если актер играет убедительно, то зритель будет видеть того, кого актер сыграл. Но так уж сложилось.

— За границу вас также приглашали как капитана Клосса?

— К счастью, нет. Например, в Чехословакии в одном из фильмов я играл горноспасателя.

— А что вам запомнилось из съемок в Советском Союзе? Только не спрашиваю об «Освобождении» Юрия Озерова, где снимались, такое впечатление, все.

— «Европейская история» Игоря Гостева, в которой я снимался с нашей Беатой Тышкевич и вашим вели-

Станислав Микульский в многосерийном фильме «Ставка больше чем жизнь».

колепным актером Вячеславом Тихоновым.

— В таком случае, насколько допустимо, на ваш взгляд, сравнение ваших восемнадцати серий с нашими «Семнадцатью мгновениями весны» с параллельными героями-разведчиками — Клоссом и Штирлицем?

— Несомненно, разные по характеру были тот и другой сериалы. В нашем было больше действий, в вашем — много было комментария. Зритель, по-моему, больше сопереживал Клоссу. «Мгновения» тоже держали в напряжении, но там все было основано на принципе: Штирлиц подумал... А он, к примеру, стоял и долго смотрел в окно, говоря про себя, что бы сделал или сделает. Клосс же в «Ставке» не говорил, что бы он сделал, а делал. Но я считаю, что «Семнадцать мгновений весны» сериал интересный и захватывающий.

— Клосс-Микульский стал героем почти всех, как мы знаем, последних лет. А был ли у вас в свое время подобный герой?

— Не могу этим похвалиться. Во времена моей молодости во всем мире увлекались похождениями Джеймса Бонда, но у нас фильмов о нем тогда не показывали. И признаюсь, что я так и не видел ни одного из них.

— А сами себя какими фильмами развлекаете?

— Люблю психологическую драму, сенсационные фильмы и комедии — только без дешевых шуток. К сожалению, кинематограф захлестнуло насилие: батальные сцены разбоя, сплошная пиротехника, все взрывается и летит в воздух. А потом как будто вдруг появляется удивление при известии, что какой-то четырнадцатилетний парнишка убил женщину.

— Вы ощутили на себе перемены, произошедшие в Польше в последние пять лет? Что бы вы ни говорили, вы были и остаетесь героем ПНР.

— Я лично особенно не почувствовал, но почувствовали все вокруг, прежде всего близкая мне актерская среда. Много моих молодых коллег сегодня без той работы, к которой себя готовили. Один — официант, другой содержит кафе, третий — механик в автомастерской... Работают где придется, только не в театре. Ведь раньше, даже если вдруг актер не получал роли в новом спектакле, зарплата все равно была за ним и как-то можно было жить. Сегодня времена изменились. Но для кого как. Безработный ведь не скажет, что ему сейчас живется лучше? Те же, кто занялся бизнесом и успел почувствовать вкус денег, за капитализм. Чтобы в какой-то мере всем было хорошо, мы должны подождать по крайней мере еще одно поколение. Двадцать лет, если не больше. Хорошо то, что идем в магазин и на полках — все, что хотим. Хуже, что в кармане меньше и то, что видишь, не всегда купишь. И потому сегодня масса людей находится в тяжелейшем положении. Представьте: кто-то 40-50 лет без устали работал, нажил приличную квартиру, а сегодня не по карману ее содержать. А поблажек никто не дает: не платишь — пошел вон. Разве это нормально?

— А как вы смотрите на то, что в бизнес уходят актеры? Вот Беата Тышкевич рекламирует пылесосы, Даниэль Ольбрыхский рекомендует алкогольные напитки?

— Я же тоже рекламировал страховую компанию — с чего-то надо жить! Вы что думаете, если у меня пенсия, то ее хватит, чтобы жить нормально? Нет, конечно. Но на Западе так было уже много лет. Я сам знал во Франции, в Англии актеров, из

которых один был официантом, а другой — чертежником в бюро проектов. Чертил себе, но оставался актером, сохраняя контакт со своей средой. И когда какой-то театр нуждался в актере для какой-то роли, то если он подходил, ему предлагали, и он как бы возвращался в театр. Только вот что: он сыграл в театре или на телевидении, снялся в кино и заработал столько, что ему хватит на год. Теперь это пришло к нам. Пришел примитивный механизм, который не компенсируется материально.

— Но такая жизнь не может не нервировать?

— Ну конечно же! Я же вижу, что делается, вижу массу несправедливостей, которые продолжают. Препятствие и прежним властям ставилось в укор, что люди на различных постах были безответственны. А что делается сейчас? Та же самая история: сплошные аферы и скандалы «наверху». О них много говорится и пишется, только ничего не делается.

— А как вы считаете, чем вызван кризис в нашем культурном обмене? Остались какие-то случайные контакты и то скорее на основе частного энтузиазма.

— Когда наступила смена системы, то новые власти дали понять, что всему виной Советский Союз, с которым не может быть ничего общего. И хотя много изменений произошло и у вас, подобный вздор еще дает о себе знать. Хотя, ощутив на себе последствия разрыва с самым большим восточным соседом, который был и самым большим потребителем польских товаров, сегодня можно услышать на каждом шагу и от властей, что Россия с ее огромным потенциалом — это самый важный сосед и экономический партнер. Но всегда труднее восстановить то, что связывало, в том числе и культурные отношения.

— У вас есть в жизни прибежище, где бы вы чувствовали себя, как рыба в воде?

— О да! Я построил на Мазурах, у озера, домик. Деревянный, тепленький, просто мировой! И как только появляется время, — туда, там всегда есть что делать, а я люблю мастертить. Как говорится, халтурщикам заработать не дам. Может, с электрикой не всегда справлюсь, а столярка и гидравлика по плечу.

— В семье таким домовитым хозяином, наверное, довольны?

— Вы знаете... В январе 85-го у меня умерла жена, которая заболела в Пингунде, где мы были по приглашению Союза кинематографистов СССР и откуда я привез ее парализованную. Годы был один, теперь уже нет. Время лечит раны, и меня тоже несколько успокоило. У меня теперь есть своя пани, близкая мне. Еще не жена, но, надеюсь, будет ею. В Варшаве у меня сын, девятилетний внук и пятилетняя внучка. Мы в хороших отношениях и довольны друг другом.

— Смотрите, вы предпочитаете сок, а не кофе. Избегаете крепких напитков?

— Да нет, специально себя ничем не ограничиваю. Вот курить бросил лет двадцать назад — лучше выпить чего-нибудь мужского...

Беседу вел Валерий МАСТЕРОВ,
собкор «МН»
Варшава